

Яков Гордин

РУССКАЯ ДУЭЛЬ
♦
МИСТИКИ
И ОХРАНИТЕЛИ

Санкт-Петербург

УДК 94(47).07
ББК 63.3(2)47
Г 68

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-31485-6

© Я. А. Гордин, 2026
© Всероссийский музей А. С. Пушкина,
иллюстрация на обложке, 2026
© Государственный исторический музей,
иллюстрации, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

РУССКАЯ ДУЭЛЬ
ФИЛОСОФИЯ, ИДЕОЛОГИЯ,
ПРАКТИКА

ОТ АВТОРА

Первый вариант предлагаемой читателю книги увидел свет в 1989 году в виде глав, включенных в документальное исследование «Право на поединок». Отдельными изданиями книга выходила в 1996 и 2002 годах. В 2014 году издательство «Вита Нова» выпустило существенно расширенный и дополненный принципиально важными главами вариант книги, который лежит в основе настоящего издания.

Глубокий анализ русской дуэли как явления «социально-знакового» предложил Ю. М. Лотман в комментарии к «Евгению Онегину» (1980). На идеи Лотмана ориентирована «Книга о русской дуэли» А. В. Вострикова (впервые она была опубликована в 1998 году и затем неоднократно переиздана) и его статья «Мифология дуэли» («Невский архив», 1993).

Вышел и еще ряд достойных работ. В частности, монография Александра Кобринского «Дуэльные истории Серебряного века» (2007). Но материал этой книги находится за хронологическими пределами данного исследования.

Дуэльная проблематика не только чрезвычайно обширна и многообразна по смыслу, но и теснейшим образом связана с фундаментальными процессами нашей истории. Без разрабатанной истории русской дуэли невозможно понять развитие дворянского самосознания и взаимоотношения русского дворянина с миром. Без понимания личности и смысла истории дворянства невозможно понять и суть послепетровского периода в истории России.

История русской дуэли XVIII–XIX веков — это история человеческих трагедий, мучительных смертей, высоких порывов и нравственных падений. Это уникальное в своей драматичности явление было результатом сокрушительного психологического перелома — перехода от Московской Руси к петербургской России.

При этом надо сознавать, что как европейские, так и русские дуэли Нового времени принципиально отличны и от рыцарских турниров, и от судебных поединков, «божьих судов» Средневековья. Хотя некоторые из описанных в книге дуэлей имели психологический оттенок судебного поединка — «Бог за правое дело!».

Дворянские поединки были одним из краеугольных элементов новой петербургской культуры поведения, вне зависимости от того, в каком конце империи они происходили.

С дуэльной традицией связано такое ключевое для петербургского периода российской истории понятие, как честь, понятие трудноопределимое и весьма по-разному понимаемое теми, кто считал себя носителями чести.

С дуэльной традицией связано и еще более сложное для анализа явление, которое условно можно определить как стремление дворянских интеллектуалов преодолеть плен низкого быта, что, в свою очередь, диктовалось жаждой свободы в ее высоком, экзистенциальном смысле.

Пушкинский сюжет — несмотря на ограниченность объема — играет принципиальную роль в общем смысловом сюжете книги, хотя последней его дуэли в ней нет. Для ее описания и анализа требуется отдельное исследование, тем более что литература, ей посвященная, огромна.

Пушкин был не только одним из самых ярких практиков и теоретиков дуэли, но и личностью, явившей нам эталонные представления о чести и человеческом достоинстве в момент расцвета петербургской культуры.

Пушкин как создатель цельной системы мировосприятия завершил собой классический, здоровый этап петербургского периода. Дальше пошло разложение этого типа культуры, что сопровождалось и разложением дуэльной традиции.

Судя по тому, что мы знаем о дуэлях Пушкина, он достаточно презрительно относился к ритуальной стороне поединка. Об этом свидетельствует и последняя его дуэль, перед которой он предложил противной стороне самой подобрать ему секунданта — хоть лакея. И это было не только плодом конкретных обстоятельств. Это был принцип, который он провозгласил еще в «Онегине», заставив своего героя, светского человека и опытного поединщика, взять в секунданты именно слугу, и при этом высмеял дуэльного педанта Зарецкого. Идеальный дуэлянт Сильвио в «Выстреле» окончательно решает свой роковой спор с графом, тоже человеком чести, один на один, без секундентов, что было грубейшим нарушением дуэльного кодекса.

Для Пушкина в дуэли главным была ее роковая суть, а не обряды. Всматриваясь в бушевавшую вокруг дуэльную стихию, он ориентировался на русскую дуэль в ее типическом, а не ритуально-светском варианте, ибо прозревал метафизический смысл поединка. Необходимая ему внутренняя свобода рождалась в предельной ситуации — перед лицом смерти.

Дуэльные представления Пушкина — смысловой камертон повествования.

Русская дуэль — постоянная борьба кодекса с практикой, ритуала с живой жизнью, абстрактных представлений о должном с миром человеческих страстей, низкого быта — с бытием.

Разумеется, предлагаемая читателю книга, существенно дополненная в данном издании, отнюдь не исчерпывает заявленную проблематику. Одна из задач книги — показать, что кастово-ритуальная детерминированность поведения русского дворянина не покрывает всего многообразного пространства дуэльной практики. Важно представить себе, как дуэльная практика соотносилась с конкретными общественно-политическими условиями, особенностью существования в имперской системе, равно как и с представлениями мыслящего русского дворянина о своем взаимоотношении с миром вообще.

Повествование основано как на многочисленных мемуарных и эпистолярных свидетельствах, так и на архивных ра-

зысканиях автора, выявивших целый ряд выразительных дуэльных ситуаций и своеобразие реакции властей на поединки в разные эпохи.

В документальном приложении читатель найдет военносудные дела, посвященные последней дуэли Пушкина и двум дуэлям Лермонтова, а также извлеченное из фонда Военного министерства Российского государственного военно-исторического архива дело о поединке генерал-майора Бахметьева и штабс-капитана Кушелева, само по себе представляющее отдельный обширный сюжет. В литературном приложении публикуются наиболее характерные дуэльные сцены, запечатленные в русской поэзии и прозе.

Глава I

ЧЕЛОВЕК С ПРЕДРАССУДКАМИ (I)

Как человек с предрассудками —
я оскорблен...

Пушкин — Чаадаеву

Русское дворянство родилось как военная каста. Дворянин был человек с оружием, и назначением его было вооруженное вмешательство в ход жизни — война, подавление мятежа. В полной мере Пушкин осознавал себя наследником этой суровой традиции дворянства: «Мой предок Рача мышцей бранной / Святому Невскому служил...»

После лицея он долго колебался, идти в статскую или военную службу. Можно с уверенностью сказать: ежели бы в то время началась или предвиделась война, он стал бы офицером.

Храбрец Иван Петрович Липранди, прошедший несколько войн, вспоминал:

«Александр Сергеевич всегда восхищался подвигом, в котором жизнь ставилась, как он выражался, на карту. Он с особым вниманием слушал рассказы о военных эпизодах; лицо его краснело и изображало жадность узнать какой-либо особенный случай самоотвержения; глаза его блистали, и вдруг он часто задумывался. Не могу судить о степени его славы в поэзии, но могу утвердительно сказать, что он создан был для поприща военного, и на нем, конечно, он был бы лицом замечательным; но, с другой стороны, едва ли к нему не подходят слова императрицы Екатерины II, сказавшей, что она бы „в самом младшем чине пала в первом же сражении на поле славы“».

Пушкин так живо представлял себя на войне, что мог написать в 1820 году:

Мне бой знаком — люблю я звук мечей;
От первых лет поклонник бранной славы,
Люблю войны кровавые забавы,
И смерти мысль мила душе моей.

Это не были свирепые мечты слабого человека, боевая ярость, переживаемая наедине с листом бумаги и не могущая вырваться в реальность. В армии, с которой Пушкин шел к Арзруму летом 1829 года, о его бесстрашии возникали легенды. «При всякой перестрелке с неприятелем, во время движения вперед, Пушкина видели всегда впереди скачущих казаков и драгун прямо под выстрелы», — вспоминал потом один из офицеров Паскевича, командующего армией, ссылаясь на очевидцев, в том числе на полковника Владимира Вольховского, лицейского друга Пушкина, талантливого военного, человека прямого и правдивого. Разумеется, мемуарист усилил реальную ситуацию — «всегда», «при всякой перестрелке», — но безусловно, что высокая репутация Пушкина среди офицеров сражающейся армии имела все основания.

Но это было позже. А в молодости — крепко сложенный, мускулистый, с прекрасной реакцией, наездник, фехтовальщик и стрелок, он жаждал физического действия. Он понимал азарт и прелесть физического противоборства и постоянно к нему стремился.

Молодой офицер Федор Лугинин, приехавший в Кишинев в 1822 году, записал в дневник: «Дрался я с Пушкиным на рапирах и получил от него удар очень сильный в грудь». А через три дня: «Дрались на эспадронах с Пушкиным, он дерется лучше меня и, следовательно, бьет».

Он любил держать в руках оружие. В Кишиневе носил с собой пистолет, которым однажды угрожал молдавскому боярину, отказавшемуся от поединка. Ему доставлял удовольствие сам процесс стрельбы. Всю взрослую жизнь он упражнялся в стрельбе при всякой возможности и стал первоклассным стрелком.

Смолоду в нем играл избыток сил, который требовал боевого и псевдобоевого выхода. Он был готов и к прямой драке. Свидетельство тому — запись в дневнике Павла Ивановича Долгорукова за 1822 год: «История Пушкина с отставным офицером Рутковским. Офицер этот служил некогда под начальством Инзова и по приглашению его приехал сюда для определения к месту. Сегодня за столом зашел между прочим разговор о граде, и Рутковский утверждал, что он помнит град весом в 3 фунта. Пушкин, злобясь на офицера со вчерашнего дни, стал смеяться его рассказам, и сей, вышед из терпения, сказал только: „Если вам верят, почему же вы не хотите верить другим?“ Этого было довольно. Лишь только успели встать из-за стола и наместник вышел в гостиную, началось объяснение чести. Пушкин назвал офицера подлецом, офицер его мальчишкой, и оба решились кончить размолвку выстрелами. Офицер пошел с Пушкиным к нему, и что у них происходило, это им известно. Рутковский рассказывал, что на него бросились с ножом, а Смирнов, что он отвел удар Пушкина; но всего вернее то, что Рутковский хотел вырвать пистолеты и, вероятно, собирался с помощью прибежавшего Смирнова попотчевать молодого человека кулаками, а сей тогда уже принял за нож. К счастью, ни пуля, ни железо не действовали, и в ту же минуту дали знать наместнику, который велел Пушкина отвести домой и приставить к дверям его караул».

История эта свидетельствует о полном пренебрежении Пушкина к требованиям дуэльного кодекса.

Жизнь его после лица и до Одессы шла от вызова к вызову, от поединка к поединку. Бывали ситуации анекдотические, а бывали и чреватые кровью.

Году в 1818-м, после лица, он получил вызов от Вильгельма Кюхельбекера. Это было совсем не серьезно. Но вскоре, поссорившись в театре с неким майором Денисевичем, поэт получил от него нечто вроде вызова. Денисевич оказался трусом и при секундантах взял свой вызов обратно. Однако ни Пушкин, ни его секунданты этого предвидеть не могли — они готовы были к дуэли по всей форме.

В этот же период произошла и «дуэль с неизвестным», ибо противник Пушкина остался для потомков анонимом.

Двадцатого марта 1820 года Екатерина Андреевна Карамзина писала князю Петру Андреевичу Вяземскому: «У Пушкина каждый день дуэли». Она, разумеется, преувеличивала. Но вряд ли истории с Кюхельбекером или Денисевичем давали ей основания для этого, пускай иронического, утверждения. Мы многого не знаем, хотя некоторые смутные сведения и сохранились. Например, Лугинин, сдружившийся с Пушкиным в Кишиневе, записал в дневнике после их разговора: «Носились слухи, что его высекли в Тайной канцелярии, но это вздор. В Петербурге он имел за это дуэль». Сведения эти явно шли от самого Пушкина, ибо в том же разговоре он рассказал Лугинину о предстоящем поединке с распространителем этих слухов — Федором Толстым-Американцем, и Лугинин предложил себя в секунданты.

Два с половиной кишиневских года Пушкина были особенно богаты дуэльными ситуациями.

В 1821 году он стрелялся с Зубовым. Зубов, офицер Генерального штаба, уличенный Пушкиным в нечистой игре, промахнулся; Пушкин своего выстрела не использовал. Тем не менее поединок был нешуточный — недаром именно дуэль с Зубовым вспоминал он между обмороками, в окровавленной карете, возвращаясь с Черной речки...

В январе 1822 года Пушкин получил вызов от полковника Старова. Повод был пустячный: на танцах музыканты по требованию поэта сыграли мазурку вместо заказанной молодым офицером кадрили. Старов — командир полка, в котором служил этот офицер, — счел это оскорблением полку. Пушкин повел себя так, что поединок стал неизбежен. Боевой офицер, участник Наполеоновских войн, известный храбростью и твердостью характера, Старов был опасным противником. Ход поединка изложил потом Липранди:

«Погода была ужасная; метель до того была сильна, что в нескольких шагах нельзя было видеть предмета, и к этому довольно морозно. (...) Первый барьер был на шестнадцать

шагов; Пушкин стрелял первый и дал промах, Старов тоже и просил поспешить зарядить и сдвинуть барьер; Пушкин сказал: „И гораздо лучше, а то холодно“. Предложение секундантов прекратить было обоими отвергнуто. Мороз с ветром... затруднял движение пальцев при зарядании. Барьер был определен на двенадцать шагов, и опять два промаха. Оба противника хотели продолжать, сблизив барьер; но секунданты решительно воспротивились, и так как нельзя было помирить их, то поединок был отложен до прекращения метели».

Помирить противников удалось с трудом. Старов хотел продолжить поединок в зале дворянского клуба, и Липранди не сомневался, что Пушкин «схватится за мысль стреляться в клубном доме». По условиям дуэли — стреляться до результата — это означало смерть или тяжкое ранение одного из противников. Липранди и секундант Пушкина Алексеев, его близкий приятель, все же уладили дело.

Старов, знавший толк в храбрости, оценил поведение своего противника: «Я хотел сказать по правде, что вы так же хорошо стояли под пулями, как хорошо пишете». Пушкин, однако, был недоволен бескровным исходом поединка.

Судя по воспоминаниям свидетелей того периода его жизни, он не просто использовал мало-мальски подходящий повод для создания дуэльной ситуации, но и провоцировал, когда и повода-то не было. В октябре 1820 года из-за пустячной ссоры за бильярдом он вызвал сразу брата генерала Михаила Орлова, уланского полковника Федора Орлова, потерявшего ногу в одном из сражений 1813 года, и своего приятеля Алексея Алексеева, тоже некогда лихого кавалерийского офицера. Ссору погасили благоразумие Орлова и Алексеева и старания Липранди.

«Однажды, — вспоминал Липранди, — в разговоре упомянуто было о каком-то сочинении. Пушкин просил достать ему. Тот (некий случайный собеседник Пушкина. — *Я. Г.*)¹ с удивлением спросил его: „Как! вы поэт и не знаете об этой кни-

¹ Здесь и далее примечания автора, кроме особо отмеченных случаев.

ге?!“ Пушкину показалось это обидно, и он хотел вызвать возразившего на дуэль». Было это в марте 1821 года.

В марте 1822-го в разговоре с одной кишиневской дамой Пушкин предложил себя в качестве дуэльного бойца — мстителя за обиду, которую кто-то ей нанес. После довольно грубого отказа дамы, изумленной этим предложением, он вызвал на поединок... ее мужа! А когда тот отказался, дал ему пощечину.

Дуэльные ситуации были его стихией. Все, кто наблюдал поэта у барьера, говорили о его благородном и деловитом хладнокровии в эти минуты. Например, Александр Вельтман:

«Я... был свидетелем издала одного „поля“ и признаюсь, что Пушкин не боялся пули точно так же, как и жала критики. В то время как в него целили, казалось, что он, улыбаясь сатирически и смотря на дуло, замышлял злую эпиграмму на стрелца и на промах».

(Вельтман говорит о двух известных ему «полях» — поединках — Пушкина, состоявшихся в летних садах под Кишиневом. Первый — с Зубовым. Противник во втором нам неизвестен.)

Имеются два свидетельства — Владимира Даля и Александра Тургенева — о каком-то поединке Пушкина в Одессе, окончившемся бескровно.

Липранди, участник нескольких войн и поединков, точно и сжато очертил характер Пушкина-дуэлянта:

«Я знал Александра Сергеевича вспыльчивым, иногда до иступления; но в минуту опасности, словом, когда он становился лицом к лицу со смертью, когда человек обнаруживает себя вполне, Пушкин обладал в высшей степени невозмутимостью, при полном сознании своей запальчивости, виновности, но не выражал ее. Когда дело дошло до барьера, к нему он являлся холодным, как лед. На моем веку, в бурное время до 1820 года, мне случалось не только видеть множество таких встреч, но не раз и самому находиться в таком положении, а подобной натуры, как у Пушкина, в таких случаях я встречал очень немного».

Что же это было? Неумение ценить свою и чужую жизнь? Гипертрофированное самолюбие?

В июле 1821 года, после несостоявшейся дуэли, Пушкин писал своему противнику письмо, которое можно считать манифестом, энциклопедией его дуэльных представлений тех лет:

К сведению г(осподи)на Дегильи, бывшего французского офицера. Недостаточно быть трусом, нужно еще быть им в открытую.

Накануне паршивой дуэли на саблях не пишут на глазах у жены слезных посланий и завещания; не сочиняют нелепейших сказок для городских властей, чтобы избежать царапины; не компрометируют дважды своего секунданта¹.

Все, что случилось, я предвидел заранее и жалею, что не побился об заклад.

Теперь все кончено, но берегитесь.

Примите уверение в чувствах, какие Вы заслуживаете.

Пушкин.

6 июня 1821.

Заметьте еще, что впредь, в случае надобности, я сумею осуществить свои права русского дворянина, раз Вы ничего не смыслите в правах дуэли.

Дворянин не имеет права уклоняться от дуэли. И дворянин имеет неотъемлемое право на дуэль. «Осуществить свои права русского дворянина» — заставить противника выйти на поединок.

Дворянин не имеет права вмешивать государство — городские власти — в дуэльные дела, то есть прибегать к защите закона, запрещающего поединки.

Дворянин не имеет права опускаться на недворянский уровень поведения. Опускаясь на подобный уровень, он лишает себя права на уважительное, хотя и враждебное, поведение противника и должен быть подвергнут унижительному обра-

¹ Ни генерала, который удостоивает принимать негодяя у себя. — *Примеч. А. С. Пушкина.*

щению — побоям, публичному поношению. Он становится вне законов чести. И не только потому, что он вызывает презрение и омерзение сам по себе, а потому главным образом, что он оскверняет самое понятие человека чести — истинного дворянина.

Через много лет, добиваясь дуэли с Дантесом и считая, что тот пытается от вызова уклониться, Пушкин собирался бить Геккернов на светском приеме — опозорить как людей вне чести и заставить драться. Письмо к Дегильи — ранний аналог знаменитого письма к Геккерну.

Пушкин называл себя «человеком с предрассудками». Одним из главных предрассудков, определявших его жизнь, было представление о чести как абсолютном регуляторе поведения — личного, общественного, политического.

Предрассудок чести — этот жестокий эталон, с коим он подходил к любому явлению бытия, — пожалуй, ни у кого больше в русской культуре не встречался в столь чистом и всеобъемлющем виде. Но был и еще один предрассудок, органически сочетавшийся с предрассудком чести и игравший огромную роль во взаимоотношениях Пушкина с миром.

Глава II

ОТСТУПЛЕНИЕ: ПРЕДРАССУДОК СВОБОДЫ

Трагическая сущность высокой дуэли отнюдь не сводилась к незаконности самосуда и противопоставлении своей гордыни, своей индивидуальной воли государственным установлениям.

Один из крупнейших религиозных русских мыслителей-моралистов Семен Франк в работе «Духовные основы общества», не касаясь проблемы дуэли, тем не менее посвятил принципиально схожей проблематике главу «Основной дуализм общественной жизни». Он писал:

«Это тот загадочный, составляющий постоянную трудность для всех теоретиков права факт, что момент „должного“, начало, нормирующее общественные отношения и идеально их определяющее, существует в двух формах: в форме права и в форме нравственности. Как объяснить тот странный факт, что человеческое поведение, человеческая воля и отношения между людьми подчинены не одному, а двум разным законодательствам, которые по своему содержанию в значительной мере расходятся между собой, что ведет к бесчисленным трагическим конфликтам в человеческой жизни?»¹

И далее, объясняя причины этой роковой двойственности, Франк с горечью констатировал:

«Холодный и жестокий мир права, с присущим ему узаконением эгоизма и грубым принуждением, резко противоре-

¹ Франк С. Л. Духовные основы общества. Нью-Йорк, 1988. С. 161.

чит началам свободы и любви, образующим основу нравственной жизни»¹.

О принципиальной двойственности дуэльной ситуации писал и Юрий Михайлович Лотман в лучшем из лапидарных анализов истории русской дуэли, включенном в комментарий к «Евгению Онегину»:

«Русский дворянин XVIII — начала XIX века жил и действовал под влиянием двух противоположных регуляторов общественного поведения. Как верноподданный, слуга государства, он подчинялся приказу. Психологическим стимулом был страх перед карой, наступающей ослушника. Как дворянин, человек сословия, которое было одновременно и социально господствующей корпорацией и культурной элитой, он подчинялся законам чести. (...) Идеал, который создает себе дворянская культура, подразумевает полное изгнание страха и утверждение чести как основного законодателя поведения»².

Лотман безусловно прав. Он блестяще на нескольких страницах представил «социально-корпоративный» аспект проблемы. Но мы имеем смелость предположить, что этим аспектом дуэльная проблематика в России не исчерпывалась. Дуэльная идеология, разумеется, была порождена социально-корпоративными представлениями дворянства, выработавшими в послепетровский период трудноопределимое, но мощно воздействовавшее понятие чести. Однако в идеальных случаях, в эталонных ситуациях высокой дуэли, которые и составляют суть явления, человек чести вырывался за пределы представлений сословного быта и оказывался в сфере чистой экзистенции — свободного самоосуществления. Недаром основатели экзистенциализма связывали состояние свободы с предельными ситуациями, к которым с неизбежностью относится дуэль.

Лотман настаивает на определяющем ритуальном принципе в дуэльной практике:

¹ Франк С. Л. Духовные основы общества. С. 162.

² Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1983. С. 92.

«Дуэль, с ее строгим ритуалом, представляющим целостное театрализованное действо — жертвоприношение ради чести, обладает строгим сценарием. Как всякий жесткий ритуал, она лишает участников индивидуальной воли»¹.

Но само решение выйти на поединок — в ситуации высокой дуэли — было мощным проявлением именно индивидуальной воли, а поведение у барьера оказывалось делом техническим.

Рассматривая историю русской дуэли, мы столкнемся с этими нечастыми, но фундаментальными по смыслу ситуациями, вершинными проявлениями дуэльной практики.

В частности, Пушкин и Лермонтов были фактически инициаторами своих последних дуэлей. Формально вызвал Пушкина Дантес, а Лермонтова — Мартынов. Но оба поэта заставили своих противников пойти на этот шаг.

Для того чтобы приблизиться к пониманию роли дуэли в жизни русского дворянства, в его мировидении, необходимо конкретизировать и практику русской дуэли.

Если возвратиться к чрезвычайно важному для нас тексту Франка, то здесь ключевое понятие — «свобода». Причем свобода не в узко политическом смысле, а скорее свобода определять свое место в несовершенном мире, свобода радикально — смертельно — отторгать от себя пошлость враждебного мира.

Недаром мы употребили в начале выражение — «высокая дуэль».

Пространство русской дуэли было пестрым и многообразным — от вздорных пустяков, приводивших к кровавым развязкам, до поединков, в которых решались экзистенциальные проблемы высшего уровня.

Классическими примерами высокой дуэли были последние поединки Пушкина и Лермонтова, где сквозь назойливую бытовую шелуху грозно мерцал истинный их смысл — смертельная свобода противостояния мировой пошлости.

¹ Там же. С. 102.

Гордин Я.

Г 68 Русская дуэль. Мистики и охранители / Яков Гордин. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 992 с. + вкл. (16 с.). — (Non-Fiction. Большие книги).

ISBN 978-5-389-31485-6

В настоящее издание вошли две книги Якова Гордина — известного писателя и публициста, исследователя русской истории XVIII — первой половины XIX века.

«Русская дуэль: Философия, идеология, практика» посвящена важнейшему для дворянской культуры феномену дуэльного поединка как решающего способа отстаивания чести. На материале архивных документов и мемуарных свидетельств Я. А. Гордин прослеживает историю русской дуэли — от эпохи Екатерины II, времени первых поединков, до царствования Александра III, когда дуэльная традиция уже угасала. Известные бретеры и дуэлянты, различные причины конфликтных ситуаций и различные условия дуэлей, попытки властей запретить поединки чести — все это создает яркую картину дворянского быта XVIII–XIX веков.

Основной сюжет книги «Мистики и охранители, или Дело о масонском заговоре» — исторический эпизод, в который оказались вовлечены многие значительные государственные и общественные деятели пушкинской эпохи, начиная с самого императора. В 1831 году Николай I получил донос князя Андрея Голицына о заговоре ордена иллюминатов, где среди прочих назывались имена «первых сановников» России. Однако этот вариант мифа о всемирном масонском заговоре был порожден непримиримой борьбой, начавшейся еще в царствование Александра I, внутри масонских обществ, между мистиками и православными, реформаторами и охранителями.

Издание адресовано самому широкому кругу читателей — всем, кто увлечен русской историей и культурой.

УДК 94(47).07
ББК 63.3(2)47

ЯКОВ АРКАДЬЕВИЧ ГОРДИН
РУССКАЯ ДУЭЛЬ
•
МИСТИКИ И ОХРАНИТЕЛИ

Руководитель проекта Кирилл Красник
Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Подготовка иллюстраций Аллы Степановой,
Екатерины Мишиной, Дмитрия Кабакова
Корректоры Дмитрий Капитонов, Валентина Гончар

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 26.01.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 61,74 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, ви. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-NFB-48737-01-R